Общая газета. – 1997. – 18–24 дек. – с. 16

вас люблю

ВЕРНОСТЬ – святое ремесло

Конец 1997 и начало 1998 года – время юбилеев Московского академического драматического театра им. Маяковского. 75 лет назад был создан Театр Революции, несколько раз менявший названия, пока в начале «оттепели» не получил имя самого революционного из советских поэтов. В январе исполняется 80 лет главному режиссеру театра Андрею Александровичу Гончарову, который 30 лет возглавляет его, одновременно отмечая 60 лет своей творческой деятельности. Поздравляя театр с этими датами, мы предоставляем сегодня слово актрисе, у которой тоже в эти дни свой «маленький» юбилей. Галина Александровна АНИСИМОВА – 45 лет на сцене «Маяковки». Как пришла в этот театр после Щукинского училища, так и осталась в нем, не изменяя ни себе, ни ему. Время от времени и монолог актрисы вступает ее муж, журналист Юрий Вячеславович ЗОДИЕВ. Эти десятилетия жизни театра прошли и на его глазах – Анисимова и Зодиев женаты 45 лет. Что значит эта почти полувековая верность одному театру, одному мужу, верность себе при совершенно разных временах и обстоятельствах, когда, казалось бы, общий лозунг – «Хочешь жить, умей вертеться»? На самом деле времена жестоки и справедливы: иллюзии рассеиваются, остается только то, что есть.

Офелия из хоровода

Галина Анисимова:

– Для любого артиста важен учитель, на которого ты потом всю жизнь ориентируешься. Для меня таким учителем был Николай Павлович Охлопков, с которым я проработала 15 лет. Он дал основу. Актерская профессия – это серьезное трудное ремесло, умение быстро мобилизовать себя, дисциплинировать. Когда я в 1952 году пришла в театр, там играли такие мастера, как Штраух, Свердлин, Гиацер, Мария Ивановна Бабанова, Вера Орлова, Таня Карпова, Евгений Самойлов, Женя Козырева, Толмазов, Хаков – целая плеяда, костяк театра, гиганты.

Бывало, что кто-то заболел. Тебе звонят завтрупой: «Галя, Николай Павлович сказал, что завтра ты играешь «Леди и джентльмены». – «Как! Я видела спектакль один раз». – «Ничего не знаю. Николай Павлович сказал и все. Завтра с одной репетиции...»

В 1954 году Охлопков поставил «Гамлета» с Евгением Самойловым, с Марией Ивановной Бабановой в роли Офелии, с декорациями и костюмами Рындина, знаменитого театрального художника. Успех спектакля был огромный. И вдруг на третью премьеру приезжает совершенно неожиданно Молотов. Вы понимаете, что такое тогда был Молотов? Смотрит спектакль. Что произошло потом, никто не знает, что он сказал Охлопкову, с которым они сидели вдвоем, можно только догадываться. Ходили разные легенды... Год как умер Сталин, в стране готовятся перемены, дорога – молодым.

Короче, что-то было сказано и следовало немедленно выполнять. А я играла массовку вокруг Марии Ивановны: первая сцена, приезд Лаэрта, Офелия выплетает, и вокруг нее хоровод девочек. И вот меня берут из этого хоровода, из массовки, одевают в костюм Марии Ивановны, выходит в зал Николай Павлович и говорит: «Ну давай!»

Конечно, он сам нервничал, это премьерные спектакли, вся Москва ринется на скандал, и со мной репетиция утром, а вечером спектакль. Охлопков, хоть и не мог выйти на сцену, у него была боязнь ее, но изюминку роли умел показать блистательно. Особенно, как ни странно, в женских ролях. Надо сказать, что и женщин он очень любил, следует отдать ему должное. И в женских образах он показывал такие вещи, до которых сама, будучи актрисой, никогда не додумаешься...

И вот репетиция. Что со мной было, говорить не надо. Когда он повысил на меня голос, я грохнулась в обморок. Теряю сознание прямо на сцене, приходжу в себя и уезжаю домой: «Я играть не могу». Николай Павлович всех отпускает с репетиции и тоже уходит. Ближе к вечеру звонок. Охлопков говорит: «Чижик, делай что хочешь, но ты должна сыграть. Ты понимаешь?» Я только и промямелила: «Да, Николай Павлович...»

Выхожу на сцену. Как я мямлила – трудно себе представить, дальше второго ряда меня никто не слышал. Этот животный страх нельзя передать словами. Я видела только глаза партнеров, которые старались мне помочь, поддержать. Евгений Валерьянович Самойлов только что на руках меня не носил, чтобы я не провалила спектакль. Отыграла я совершенно мертвая. В финале делаем поклоны, выходит Охлопков, мы все стоим в шеренге. Вдруг он берет меня за руку и выводит на авансцену, и весь зал мне аплодирует.

Потом я думала долго, зачем он это сделал, почему? А он это сделал, чтобы вдохнуть в меня, дебютантку, уверенность, внушить мне самой, что у меня есть будущность, зарядить энергией. Чтобы ты на следующее утро не проснулась мертвой от провала, а знала, что он, великий Охлопков, в тебя верит. Такой он был человек, такой был психолог.

Глоток Шекспира

Мы так гордились своим «Гамлетом». Охлопков был великим организатором массовых действ. В одной только массовке в «Гамлете» было занято полсотни человек! В гигантских ячейках всадников, сделанных Рындиным, одновременно двигалось множество людей.

И вдруг в 56-м году в Москву приезжает «Гамлет» Питера Брука с Полом Скофилдом и с Мэрик Юр. Для меня, молодой, это было потрясением. Был «железный занавес», мы мало могли соприкасаться с другим искусством. А тут ты видишь на сцене другую культуру исполнения, другую форму, даже другой язык, фонетика другая! Иногда до сих пор ночью вспоминаю и – мурашки по телу. Это, наверное, было самое мощное потрясение в моей творческой жизни. Встретиться с другим искусством...

Мы гастролировали в Баку, и Николай Павлович привез Питера Брука посмотреть наш спектакль. Детское кровожорство шекспировского Шекспира на русской почве. Я в то время была беременна. Охлопков очень возмущался этим, хотя и прислал новый поздравительную телеграмму, когда у меня родился сын. А тут он вызывает и говорит: «Завтра мы едем в Москву на телевидение, будем снимать с Питером Бруком сцены из «Гамлета», у меня есть идея».

Летим вчетвером, Охлопков, Питер Брук, я и Евгений Самойлов. Самолеты тогда были те еще. Летели из Баку мы часов десять. Зима, метель, меня муж встретил, отвез домой, я отлежала час и – на Шаболовку, никакого Останкино и в помине еще не было. Приезжаем, и Николай Павлович объявляет, что сейчас со спектаклем приедет Питер Брук с Полом Скофилдом и Мэри Юр, и мы снимем две сцены. Мне: «Галя, будешь играть со Скофилдом, а ты, Женя, – с Мэри Юр».

Охлопков говорит моему мужу: «Юрочка, я знаю, что твоя жена на шестом месяце, но мы ее бинтуем». Юра: «Как так? У меня там сын!» Николай Павлович: «Бинтуйте. Это искусство».

Короче, меня, бедную-несчастную, затянули в корсет так, что я и дышать не могла. Но я уже молчу, не пищу, меня бы не поняли. А там, на Шаболовке, был большой коридор, нас вывели из грим-уборной, и видим – навстречу шествие. Впереди в полном костюме со шпагой идет великолепного роста человек, а за ним в легком таком платьице безвинная худенькая изумительная девочка. И я – русская девушка на шестом месяце в парике и в платье, которые еще от Марии Ивановны Бабановой остались, и чувствую себя как перетянутая струна.

Встретились, стали репетировать. Их они по-русски, ни мы по-английски. Но тем не менее все сняли, остались пленки до сих пор. А так как нам пора уже было через два дня вылетать обратно в Баку, мы с Самойловым поехали на улицу Москвина смотреть их «Гамлета». Боже мой, как держался Скофилд на сцене! Как он казался мне высок, красив. Как он владел своим телом, как вел диалог! Это – другой мир. Успех у московский был феноменальный.

Конец прекрасной эпохи

Так получилось, что в разных спектаклях я сыграла шесть дочерей Льва Наумовича Свердлина. Он был очень интересный человек. В нем был какой-то совершенно нечеловеческий заряд, как у экстрасенса. Он мог завороживать и зеркала, и весь зал. Помню, когда я пришла в театр, был описывать о войне – «Великие дни». Свердлин играл Сталина. И это был такой Сталин, он так держал паузу, что куда там реальному Сталину! Зал просто обалдевал. Люди, замерев, ждали, когда он скажет фразу, что «Сталин помнит, Сталин любит». А когда он поднимал тост «За великий русский народ!» – то зал, стоя, встречал его такой овацией, какая я в жизни никогда больше не слышала. Зрители хлопали по двадцать, по тридцать минут, и не потому, что это был образ Сталина. Это какая-то энергия невероятная исходила от Свердлина, казалось, эту энергию можно просто увидеть глазами.

Юрий Зодиев:

– Черт их знает, что в них, в этой старой гвардии, сидело!

Если бы Охлопков не был в юности гардемарином, он никогда бы не был таким Колей, таким Николаем Павловичем! Я никогда не забуду, как его назначили замминистра культуры СССР, и я его спрашиваю: «Николай Павлович, как же ты теперь?» Он говорит: «Юрочка, царей вязывали, а уж замминистра тем более сыграем!..»

Когда в 57-м году был всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, я от ЦК ВЛКСМ отвечал за все массовые мероприятия: открытие, закрытие, манифестации, праздник дружбы, праздник на воде и так далее. Художественным руководителем был Иосиф Михайлович Туманов, но Шелепин очень хотел видеть, чтобы был Охлопков. Тогда я поехал к Николаю Павловичу, говорю, что вот комсомол хочет с вами встретиться – Александр Николаевич Шелепин, Владимир Ефимович Семичастный. Мы приезжаем, идет прекрасный разговор, его вообще воспринимали по фильму о Ленине как личного охранника Владимира Ильича. И в конце, когда он понял, чего от него хотят, он говорит с ходу: «У меня такое видение фестиваля. От Ленинских горок, от МГУ строим стеклянный мост прямо в Лужники. По этому стеклянному подсвеченному снизу мосту скачет конница. С тысячи летящих над конницей самолетов спрыгивают парашютисты, которые парят среди птиц. А на площади играют, стреляют, бегут десятки тысяч людей!..»

Когда он ушел, Шелепин только и сказал: «Да мы страну по миру пустим этим массовым действом».

Галина Анисимова:

– Действительно, Николай Павлович Охлопков был великолепный актер и режиссер и человек необыкновенный. Мы боялись его. Невероятно красив, всегда элегантный, даже представить невозможно, чтобы он пришел не в костюме. Так же следил и за трупой, всегда держал ее в форме. К женщинам внимателен: «Какая у тебя хорошая прическа... У тебя кофточка новая, я вижу... Эти духи тебе очень идут».

Поэтому никто из актеров не мог и позволить себе прийти разболтанным, или опоздать на репетицию, или сказать, что я сегодня играть не могу. Этого не могло быть никогда. Однажды, когда у меня маленький ребенок был и хозяйство огромное на мне, я опаздывала на репетицию и вместо на сцену как была: в зимних сапогах, в свитере... А репетировали пьесу «Садовник и тигр», где я играла такую 18-летнюю девчушку с весенним ветром в голове. Такая жара, жето, легкое платье, и тут – я. «Это-о-он!» Я замерла, Боже, что сейчас будет?.. «Это еще кто такой? Во-о-он! Убрать отсюда эту Брешко-Брешковскую!» Я так и вылетела как пуля. «Кто такая, – спрашивают, – Брешко-Брешковская?» Наверное, думаю, такая же тюря, как я...

Запуметь было невозможно. Он всегда говорил: «Театр – это лаборатория, это храм, это операционная». Здесь должна быть тишина, потому что в театре, как в операционной, рождается искусство.

Это была эпоха. Яркая, страстная театральная эпоха. И не только потому, что мы тогда были молодые пашины и женщины, нет. Такое было время. И оно закончилось. И в театре, и в стране. В 196[illegible] году театр возглавил Андрей Александрович Гончаров. Последний год Охлопков болел, у него был рассеянный склероз, он уже плохо понимал, что происходит. Театр держался на старом репертуаре, на труппе, но постепенно зритель пересал ходить, репертуар утрачивался.

Новые звезды новых времен

Галина Анисимова:

– Конечно, немой жизни было как бы два театра. С Николаем Павловичем Охлопковым – одна труппа кроны, с Андреем Александровичем Гончаровым – совсем другая. Пришли молодые актрисы, а вы, мои, знайте свое место, играли роли, будете играть матерей, не забывайте, сколько вам лет... А мне кстати, я то время было не такой много.

Почему я ушла? Я одно время Армена Джигарханяна, ставшего ведущим актером. Он пришел на роль Левинсона в фадеевском «Разгроме», который Гончаров пригласил поставить Марка Анатольевича Захарова. Я считаю, что в театре это была лучшая роль Джигарханяна, да и захаровский спектакль забыть невозможно, это был шедевр.

Пришли Наталья Гундарева, Игорь Костолевский, Александр Фатюшин, Миша Филиппов, необыкновенно талантливые актеры, выросшие в подлинных мастеров, в костяк театра. Их счастье, что они пришли к режиссеру, ставшему именно их учителем.

Вот сейчас в театр на разовую постановку пришел Сергей Николаевич Арцыбашев. Мы репетировали «Свадьбу Кречинского» – не мюзикл, не оперетта, нормальную постановку Сухово-Кобылина. Подобрались замечательная команда: Игорь Костолевский, – Михаил Филиппов, Дзиджилов, – совершенно великолепный актер. Арцыбашев – это другой театр. Это настолько сегодняшний день, он настолько остро, оригинально выстраивает роли, спектакль, что я просто счастлива быть рядом, впитывать этот нерв времени.

Хотя время изменилось. Жизнь в театрах стала трудной. Приходится все время что-то придумывать, чтобы заработать. Особенно молодым. Вот есть у нас Олечка Прокофьева, очень способная молодая актриса. Она у нас очень хорошо играет. Кроме этого, она в антрепризе у Трушкина, а еще она сейчас с Наташей Гундаревой будут сидеть с «Любовным напитком»... Какие в театре начались скандалы. А как это остановить, если нищенские зарплаты? Один уехал, другой заболел, третий на съемках. Меня выгораживают: «Галя, Христом Богом просим, сыграй, а то хоть спектакль закрывай!» А я четыре года в этом спектакле не выходила...

Пришла заранее, в пять часов, вышла на сцену, проверяю реквизит. Роль не такая сложная, но мельтешенная, много бесконечных лестниц, «Леди Макбет Мценского уезда». Ребята: «Да что вы переживаете, Галина Александровна, мы за вас все сыграем, да на наших лестницы, все давно упростилось». За минуту до выхода трезвят анекдоты, потом несутся на сцену с криком, с гиканьем... Кошмар, может, так и надо? Но я уж, простите, сама буду и вас заставлю играть, как на премьере. Ведь та требовательность, которую в нас заложили, она-то будет до могилы. И та же Света Немоляева, и Саша Лазарев такой же, неизменчет, если кто текст не так сказал или забыл. Нас так выучили. А время другое, жестокое, циничное. На сцене – грязь. Что-то из декораций не поставили, ну и черт с ним, так сыграем. Репетиция, а оскепитель в буфете. Неудивительно, что Гончаров нервничает, сходит с ума.

Я при Охлопкове играла все центральные роли и одновременно во всех массовках была занята пятнадцать лет. Речи не было о том, что не можешь. А сейчас молодая актриса приходит: «Я взялась на центральную роль, я в массовке больше выходить не буду!» Ей говорят: «Костолевский был ведущим актером театра, а во всех массовках бегал! Костолевский!» – Ну и пусть, говорит. Он бегал, а мы не будем! Мне завтруппой жалуется, а я говорю: «Я не знаю. Может, они правы? Может, это поколение такое?»

Когда молоко позже скисало

Юрий Зодиев:

Когда я женился, друзья мне сказали: «Да с таким характером!.. Да еще на актрисе!.. Да через четыре дня все у вас развлетится!» Нет, оказывается, можно. Вообще же, когда у тебя журналистская работа, а у нее репетиции, спектакли, гастроли, без выходных – все это непросто. Надо и очень верить друг другу, очень хорошо слышать друг друга, чтобы все это удержалось.

Жили-то бедно, и маленький ребенок был, и большая семья, надо было шесть человек кормить, сводить концы с концами, а собирались по десять человек, молодые артисты, с черным хлебом, с селедкой, гудели всю ночь. И радость общения друг с другом была на первом месте. Мужья актрис, мы приезжали к концу спектакля за женами на старых своих «Москвичах». Половина ведущего состава ночи, все закрыто, а расставаться-то не хотелось. Единственное место, куда можно было поехать, – ресторан в аэропорту «Внуково». Но пускали в него, только если у тебя был чемодан. Поэтому у каждого из нас на всякий случай в багажнике лежало по пустому чемодану.

Приезжаем во Внуково, вынимаем пустые чемоданы, идем мимо дядьки в фуражке. «Вы куда?» – «Да вот, – говорим, – провожаем товарищей». – «Да вы же вроде только недавно провожали?» – «А они уже прилетели и обратно улетают – артисты, что делать...» И вот с чемоданами или наверх и сидели до трех-четырех ночи. Расставаться не хотелось. А ночь не поспать – ерунда.

Говорят, что раньше молоко позже скисало. Может, и не позже, а вот дружба, любовь, поддержка артистов в тот период, как я наблюдал, были самыми яркими. А потом появился этот жирок, квартиры, академические звания. И дошло до кошмара. «Ой, где мы купили эти панталоны? Ах, где вы достали эти шпинглеты? Ух, как он сделал евроремонт! А вот шуба, а где это, а сколько то?» И только потом об искусстве. Все сказано, за все уплочено и по иногу раз. Вот что огорчительно.

Потому что они уже в другом ритме. И поэтому, когда я сейчас вижу яркого одаренного мальчика, как мелкий Саша Лазарев, я восхищен, и мне хочется сказать режиссерам и им всем: «Ребята, дайте ему играть Отелло, пока он молод, пока он не подрежен евроремонтом, потому что еще два года, и он будет знать все то, что вы знаете!» Дадут?

Записал Игорь ШЕВЕЛЕВ
Фото Евгения КРЫЛОВА

С мужем